

15. Komissarova, M. (2021) *Obraz goroda v zhivopisi Ol'gi Trapitsinoy* [The image of the city in the painting of Olga Trapitsina] [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=Vdn_NqtsjoU&t=110s (Accessed: 17.10.2021).
16. Shchurik, N.L. (2016) *Sovremennye khudozhniki Kubani: zhivopis', grafika: [Al'bom]* [Contemporary artists of Kuban: painting, graphics: [Album]]. Krasnodar: IP Kolesnikov G.P.
17. Vashchenko, N.I. (2015) *Dom inzhenera Shardanova* [House of engineer Shardanov]. *Pamyatniki istorii i kul'tury Yuga Rossii – Monuments of history and culture of the South of Russia*. 3. pp. 123–130.
18. Bolotnikova, O.N. (2016) *Semantika i funktsii dveri i okna v khudozhestvennom mire N.V. Gogolya* [Semantics and functions of doors and windows in the artistic world of N.V. Gogol]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
19. Bedareva, L., Chalaya, A. (2021) *Ostorozhno, dveri rassypayutsya* [Be careful, the doors are falling apart]. [Online] Available from: <https://takiedela.ru/2019/04/dveri-krasnodara/> (Accessed: 15.08.2023).
20. Takiedela.ru (2023) *Lidiya Bedareva i Anastasiya Chalaya* [Lidiya Bedareva and Anastasia Chalaya]. [Online] Available from: <https://takiedela.ru/author/bedarevachalaya/> (Accessed: 15.08.2023).
21. Nora, P. (1999) *Problematika mest pamyati* [Problems of places of memory]. In: Nora, P. et al. *Frantsiya – pamyat'* [France – memory]. Translated from French. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House.
22. D.I. Gangur's Personal Archive. (n.d.) Krasnodar Regional Art Museum named after. F. Kovalenko: Exhibition «Stories of Krasnodar-2023»: [meeting with artists, September 7, 2023].
23. Kondrat'ev, E.A. (2010) *Khudozhestvennaya detal' i tseloe* [Artistic detail and whole]. Moscow: Indrik.

УДК 008

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-3-18-25

С.В. Кудряшов

ИЗМЕНЕНИЕ СООТНОШЕНИЯ СМЫСЛОВЫХ И ЗНАКОВЫХ ФУНКЦИЙ В КУЛЬТУРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ТИПА XIX–XX вв.

В статье рассматривается проблема соотношения смысловых и знаковых функций в культуре, начиная со времен романтизма. Ставится вопрос о том, что изменение форм феноменов понимания может повлечь за собой искажения, приводящие к возникновению негативных тенденций в смыслообразующих структурах культурного поля, а также влияющие на гомеостазис культуры в целом. Основным вопросом статьи выступает вопрос о динамике смысловых конструктов, из которых складывается предметная и интеллектуальная области сознания человека культуры.

Ключевые слова: культурогенез, онтогенез, социокультурная динамика, смысловой конструкт, гомеостазис, аномалия, идея болезни, изобразительное искусство, бессубъектность в искусстве.

Актуальность темы исследования. Смыслообразование человека культуры определяют многие факторы. Морфология феноменов понимания, как следствие процессов, структурирующих осмысленный мир, подразумевает существование своего рода смыс-

ловых конструктов, из которых складывается предметная и интеллектуальная области сознания как отдельного человека, так и определенных культур в целом. В исследовании социокультурной динамики роль этих смысловых конструктов, которые можно обозначить также в виде артефактов культуры, становится необычайно важной. Изучение их трансформации позволяет судить о положительных и отрицательных тенденциях в культуре.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема смыслообразования выступает одной из ключевых в современных гуманитарных исследованиях, проявляясь в том числе как соотношение смысловых и знаковых функций. Однако в связи с негативными изменениями в культуре проработана незначительно.

Цель исследования. Показать, что в культурной динамике могут возникать процессы, представляющие опасность для ее гомеостаза.

Задачи исследования:

- дать характеристику аномалиям в смыслообразующих структурах культуры;
- с помощью образного посыла французского литератора А. де Мюссе определить начало болезненной тяги к деструктивному во время кризиса романтических концептуальных доктрин;
- определить специфику культурогенеза и онтогенеза в связи с морфологией феноменов понимания;
- на примере изобразительного искусства второй половины XIX – XX вв. дать оценку изменениям в культуре соответствующего периода.

Основная аналитическая часть. Известно, что, культура, как фактор сознательной рефлексии человека в его деятельности, начинается тогда, когда утилитарное использование материального начинает совмещаться с его знаковой функцией, и в процессе этого совмещения начинают появляться смыслы, «находящие отражение в результатах этой деятельности – предметах и явлениях культуры» [5. С. 7]. Эти смыслы регулируют соотношение «традиций и образных смыслов мировоззрения, которые проявляются в поведении» [5. С. 8], то есть здесь возникает тема регуляции, которая совмещается с темой гомеостаза культуры.

В связи с этим становится актуальной тема тенденций в культуре, а также того, что их определяет. Гомеостазис, как принцип саморегуляции, может предполагать возникновение, в том числе, и негативных тенденций, но вполне допустимых и не оказывающих разрушительного действия на внутреннюю стабильность культуры. Можно сказать, что в культуре со времен первобытного синкретизма саморегуляция становится одним из модусов процесса становления, корректируя отрицательные тенденции точно так же, как это происходит в любом организме.

Но это актуально только тогда, когда организм здоров и способен к восстановлению. Когда же в организме начинаются устойчивые процессы отрицательного толка, мы можем говорить о своего рода патологии, как о болезненном отклонении от нормального состояния. Это также касается и смыслообразующих структур культуры как системы. То есть создается ситуация, в которой как знаковая функция смыслового конструкта, так и его утилитарное использование становятся искаженными, причем это происходит в смысловом поле сознательной деятельности человека. И мы можем говорить о своего рода болезненном факторе культуры, который начинает создавать диспозицию искажения, внося в смысловое поле фактор деструкции.

Этот фактор может возникнуть и утвердиться в культуре в ходе различных процессов, а также бессознательно или сознательно. В последнем случае мы должны иметь в культуре ситуацию, когда болезненность сознательно вносится в семантическую структуру, становясь при этом желанным смысловым ориентиром. Именно в такой ситуации начинает возникать дисфункция смыслового поля, воспринимаемая уже позитивно, но, тем не менее, гомеостатические процессы нарушаются, и создаются

предпосылки для развития своего рода патологии, результатом которой и становится восприятие искаженного смыслового пространства как должного.

В культуре европейского типа такая ситуация в полной мере складывается в первой половине XIX века, когда так называемая *le mal du siècle* (болезнь века) вместе с темой *der Weltschmerz* (вселенской скорби) становится ключевой темой, охватывающей все сферы сознательной жизни и привносящей в культуру мотивы безысходности и бессмысленности существования, тем не менее, становящиеся своего рода смыслом бытия. Вполне осознавая болезненность, носители этого нового мировоззрения, тем не менее, ставили ее во главу угла своих концептуальных построений и произведений искусства.

Схематика здесь (по своей структуре) сходна с той, которую описывает еще Э.Б. Тайлор, когда относительно верований или обычаев говорит, что и то, и другое столетиями может являть симптомы упадка, однако «общественная среда, вместо того, чтобы подавлять его, благоприятствует его новому росту» [9. С. 107], и этот феномен может стать «типичным признаком и характерной чертой своего времени» [9. С. 107]. Точно так же чертой своего времени становится романтическая «вселенская скорбь», порождая, в том числе, болезненные тенденции в культуре на уровне нового смыслового конструкта, претендующего на легитимную бытийственность.

Известный французский литератор А. де Мюссе, один из крупнейших представителей французского романтизма и наиболее ярких представителей тенденции, в своем романе «*La confession d'un enfant du siècle*» («Исповедь сына века») дает очень точный, хотя и аллегорический образ этого болезненного смыслового конструкта культуры, определяя его как нечто конкретное, визуальное. Обращаясь к тексту, мы видим предпосылки для этой визуализации. Герой произведения «*ayant été atteint, dans la première fleur de la jeunesse, d'une maladie morale abominable*» [13. С. 4], то есть «подвергшись в первом цвете юности нападению отвратительной нравственной болезни» заболевает в конце концов ею всерьез, и первое, что он делает – это в образной форме пытается осмыслить новую проблематику и понять – как можно было бы исторгнуть из себя то, что стало причиной заболевания.

К сожалению, русский перевод текста де Мюссе в полной мере не дает этой образности – целый абзац из 15 строк не вошел в русскую редакцию по непонятным причинам и до сих пор не востребован. В 2018 году мы уже писали об этом, но в контексте данной статьи, в связи с актуальной реферативностью информации, позволим себе привести для примера небольшую часть той публикации.

«Речь в этих пятнадцати строках, в аллегорической форме, идет о человеке, *qu'un blessé atteint de la gangrène* (раненом, страдающем гангреной), который соглашается на ампутацию в академическом амфитеатре. То есть он хочет как можно скорей избавиться от той части своего тела, которая доставляет ему страдания – пусть и на глазах у студенческой публики. Мало того: профессор, который проводит ампутацию, кладет ампутированную часть тела на белое полотно и пускает его по рядам, *pour que les élèves l'examinent* (для того, чтобы студенты могли изучить его). И далее де Мюссе, отталкиваясь от своего образа, говорит о том, что точно так же одна из составных частей человека может страдать от моральной болезни, и ее тоже следует не просто «отрезать», но и передать обществу, чтобы другие люди могли *palpent et jugent la maladie* (пропальпировать и почувствовать эту болезнь)» [6. С. 85].

Если мы, исходя из этого образного посыла, позволим себе также образно сопоставить тело воображаемого больного из текста де Мюссе с абстрактным телом культуры, то отделенная от него болезненная часть может быть представлена как, образно говоря, аномальный смысловой конструкт, подвергшийся практически патологическим изменениям. Герой де Мюссе говорит о необходимости передать этот конструкт, или артефакт, на всеобщее обозрение для того, чтобы он стал угрожающим

примером, наглядным подтверждением и мерилем пагубности нездорового. Согласно формальной логике, он должен быть выведен за пределы смыслового поля как враждебный логосу бытия, как нечто, способное причинить непоправимый вред. Уже здесь его отрицательные качества становятся знаковым кодом – образной системой, предупреждающей человека об опасности, известной еще с архаических времен в дихотомическом противостоянии жизни и смерти.

Семантический образ болезни А. де Мюссе остается в литературе аллегорией, хотя и отразившей реальную культурную ситуацию первой половины XIX века. Но динамика культуры европейского типа в XIX в. показывает, что предостережение де Мюссе имело обратный результат и что именно этот нездоровый компонент культурного поля становится необычайно притягательным. И для нас, в связи с этим, становится видимой картина того, что начинает происходить в смысловом поле европейского пространства во времена кризиса романтических концептуальных доктрин, когда возникает образ болезни, проявляющейся в артефактах культуры разного порядка. Архаическая табуированность перестает работать, мотивируя тягу к деструктивному, безобразному, зачастую к самой смерти. Артефакт культуры начинает подвергаться патологии, но в то же время именно эти изменения становятся привлекательными.

Отрицательную динамику смыслового конструкта в культуре можно представить в виде подмены реальной «вещи» знаком, где патология, как таковая, касается как раз семиотического содержания. «Вещь», то есть артефакт перестает говорить сам за себя. Вместо него начинает говорить знак, и эта хорошо известная схематика создает новую мифологию, в которой если и происходит коррекция, то только в сторону еще более изощренного ухудшения. Становление концепций нигилизма, абсурда, начало декаданса как болезненного эстетизма, вышедшего из прежней – романтической – иронии лишь подтверждают эту тенденцию. Складывается новая картина мира, в которой, в качестве главного эстетического акцента, обязательно должна быть изящная червоточина. Впоследствии эта изящность становится не обязательной, порождая уже эстетику просто чего-то безобразного, самоценного именно в своем безобразии.

Таким образом, в культурном поле и начинаются практически патологические изменения, сопровождающиеся размыванием смысла, так как «смысл есть только там, где предметы или действия названы» [1. С. 276], а в ситуации подмены предмет, даже при своем несомненном наличии, передает часть функций или, если можно так сказать, «названность» – знаку.

Чтобы понять общую картину, можно исходить из символической концепции культурогенеза, который, в свою очередь, обусловлен определенной фазой онтогенеза, когда в сознании человека возникает сознательное семантическое поле, определяемое именно «названностью» вещей мира. Кроме всего прочего, по Л.С. Выготскому, это «переломный момент, начиная с которого речь становится интеллектуальной, а мышление – речевым» [4. С. 121]. Термин «культурогенез», как правило, соотносится со становлением культуры в ее начальной фазе, но он связан с онтогенезом, схематика которого, в свою очередь, актуальна в течение всей жизни как отдельного человека, так и общества, влияя, в том числе, на процессы как «вочеловечивания», так и «расчеловечивания». Во многом это как раз и обусловлено связью между мышлением и речью, поскольку эта связь очень важна как для рефлексии в культуре, так и для осмысления культурных процессов. Именно эта связь и определяет смысловую семантику в культуре. Поэтому специфику культурогенеза можно применять к процессам в культуре на любой их стадии, в том числе и в случае аномалии, когда происходит рецессия смыслообразования, а вместе с ним и семантического смыслового конструкта. Функции знака остаются, функции смысла трансформируются. Проще говоря, форма принимает в себя измененное содержание, образуя своего рода псевдоморфоз его былой сути.

Через слово и знак происходит культурная психологизация человека. Если принять во внимание то, что «несовпадения натурального и «культурного» в человеке образуют зазор, в пространстве которого развиваются специфические расстройства» [10. С. 195], то можно допустить, что и в «культурном» может существовать такой же своего рода разрыв, в котором проявляются несовпадения частей сформировавшегося целого. И если несовпадения природного и культурного начал могут вызывать «органическую патологию» [10. С. 195], то несовпадения в культурном поле создают патологию несколько иного рода, сводящуюся к легитимации деструктивного в культуре. Ментальные искажения становятся востребованы, идея болезни начинает быть необходимой, как основа для творческой ситуации. А сама болезнь, как психическая, так и физическая, становится одним из достоинств человека, делом которого выступает создание артефактов культуры.

Ко второй половине XIX века эта тенденция становится устойчивой. Если мы представим себе абстрактный ряд деятелей искусства, например, начиная с Э. А. По и В. Ван Гога и условно заканчивая Э. Шиле и Э. Мунком (этот ряд мы можем обозначить во времени, связывая его с периодом становления проблематики), мы увидим, что многих его представителей, кроме яркого таланта, объединяет еще и разного рода болезненность, которая, так или иначе, проявляется в их творчестве. Особенно в этом плане показательно изобразительное искусство. Мы ни в коем случае не пытаемся подвергнуть ревизии художественную ценность произведений. Речь идет лишь о роли предмета в пространстве стилового контекста полотна, где этот предмет начинает обезличиваться, то есть складывается ситуация, когда, как это ни странно, несмотря на возможную изощренность образа, произведение искусства утрачивает уникальность, остается лишь влияние тенденции. Но ранее всегда «именно на этой уникальности и ни на чем ином держалась история, в которую произведение было вовлечено в своем бытовании» [2. С. 23]. Можно вспомнить о том, что М. Хайдеггер, рассуждая «о вещном в творении искусства» [12. С. 271], говорил о связи вещи и творения. По его мнению, вещь, как феномен сущего, можно через вещественность вещи определить, как вещество, и он указывает на то, что творение возводит вещество в мир, в котором вещество раскрывается [12. С. 280].

Мы можем, исходя из этого, сказать, что в мире творение должно раскрыться, привнеся вместе с собой смысловое значение, поскольку «закон художественной формы состоит в том, что предельные духовно-ценностные ориентации художественного сознания явлены всей плоскостью художественного образа, составляя его содержательный смысл» [11. С. 162], но в нашем случае оно не раскрывается в полной мере или даже не раскрывается вообще. Ошеломление идеей в виде знака затмевает охолощенный смысл – например, уже в XX веке, в работах Энди Уорхолла в виде изображений банок с газированными напитками и консервированными супами, абсолютно идентичных своим реальным прототипам. Вроде бы здесь, на первый взгляд, нет патологии как таковой, но полная замена смысла знаком в искусстве патологична по своей природе и берет свое начало в подмене реальной вещи знаком.

Действительно, когда мы смотрим на изобразительный ряд живописи XX века, мы зачастую видим там полотна мастеров, номинально не декларирующих «романтическую скорбь» как рефлексию на бессмысленность существования, но, тем не менее, продолжающих тенденцию подмены «вещи» знаком. Аномалия, ранее имевшая ярко выраженную функцию притягательности в соотношении с сознательной трансформацией смысла, начинает порождать тенденцию как таковую. С одной стороны, это приводит к бессубъектности в искусстве, в частности, в живописи, где предмет утрачивает свою функцию и «становится частью более обширной комбинаторики, совокупности предметов, где его ценность относительна» [3. С. 150]; а с другой – к появлению стилей, в которых фактор деструкции становится одним из закрепленных концептуаль-

ных смыслообразующих фундаментальных признаков. В работах, несомненно, талантливых живописцев мы видим творческий поиск, выбор стиля (фовизм, кубизм, абстракционизм и т. д.), но, по большому счету, многое здесь начинает показывать нам «неприкаянность и космическое сиротство человека» [8. С. 514]. Здесь мы видим уже и А. Матисса, и П. Пикассо, и Ж. Миро, и многих других, чье творчество, при всем к нему уважении, начинает покушаться уже и на «разрушение структуры знака» [7. С. 30]. На фоне авангардизма возникает противоположная им линия псевдоклассического искусства, где, несмотря на внешнюю сторону, тоже отсутствует смысловой компонент, поскольку смысл восходит к попытке воссоздать нечто «правильное», но в этой попытке исчезает метафизика творчества, – остается только декларация попытки как таковой. И в том, и в ином случае человеческие функции в живописи передают эстафету чисто техническим приемам.

Таким образом, экспресс-анализ проблематики, связанной с динамикой смыслового конструкта в культуре, дает нам повод говорить о том, что проблематика его содержательной стороны в сознательной человеческой деятельности связана с изменением семантики форм феноменов понимания в эстетической динамике культуры вообще. Что «современная культура в ее артефактах и смыслах – не нечто негативное, а совсем иное по сравнению с классической, требующее и иных подходов, критериев оценки и способов понимания» [7. С. 3]. Изменение соотношения смысловых и знаковых функций происходит там, где исчезает равновесие и взаимодополняемость и, соответственно, возникают патологические изменения, отрицающие ценность бытия и представляющие собой «форму небытия реальности» [7. С. 32], переходящую в «небытийное бытие». Соотношение бытия и вещи из области онтологии перемещается в область нигитологии, проходя стадии болезненности и последующей нормализации, в которой негативное воспринимается уже как нормальное, будучи совершенно инаковым по отношению к смысловым основам конкретной, в данном случае, европейской культуры. Но эта инаковость дает нам повод и возможность выявлять и оценивать специфику трансформаций в культуре, а также интерпретировать их в русле разных подходов в поле теории и истории культуры.

Литература

1. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. 431 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2021. 432 с.
5. Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2009. 272 с.
6. Кудряшов С.В. «Фактор деструкции» А. де Мюссе в свете структурного анализа европейской культуры XIX – XX вв. // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10. № 2. С. 80–100.
7. Саенко Н.Р. Концептуальные интерпретации нигитологии культуры: автореф. дис... д-ра филос. наук. СПб., 2011. 46 с.
8. Сапронов П.А. Человек и Бог в западноевропейской живописи XIV–XX вв. М.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2014. 576 с.
9. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
10. Тхостов А.Ш. Культурно-историческая патопсихология: монография. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2020. 320 с.

11. Устюгова Е.Н. *Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 260 с.

12. Хайдеггер М. *Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX – XX вв. Трактаты, статьи, эссе*. М., 1987. 512 с.

13. Musset A. de. *La confession d'un enfant du siècle*. Paris: Fïlix Bonnaire, 1836.

Change in the Ratio of Semantic and Sign Functions in the Culture of the European Type of the 19th–20th Centuries

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2023, 3 (90), 18–25.
DOI: 10.24412/2070-075X-2023-3-18-25

Sergei V. Kudryashov, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: skudr33@mail.ru

Keywords: culturogenesis, ontogenesis, sociocultural dynamics, semantic construct, homeostasis, anomaly, idea of disease, visual art, lack of personality in art.

The article examines the problem of the relationship between semantic and symbolic functions in culture, starting from the times of romanticism. The question is raised that changing the forms of the phenomena of understanding can lead to changes that negatively affect the homeostasis of culture. It is known that culture, as a factor of conscious reflection of a person in his activity, begins when the utilitarian use of material begins to be combined with its sign function. In this regard, the topic of trends in culture, as well as what determines them, becomes relevant. Therefore, the main question of the article is the question of the dynamics of semantic constructs that make up the subject and intellectual areas of consciousness of a person of culture. It is said that in the second half of the 19th – 20th centuries. in a culture of the European type, processes begin and become established that lead to the destabilization of the cultural field, as a result of which the sign function of the semantic construct, as well as its utilitarian use, become distorted. And we can talk about a kind of painful factor of culture, which begins to create a disposition of distortion, introducing a factor of destruction into the semantic field. The theses presented in the article are compared with the allegorical images of the French writer of the 19th century. A. de Musset, as well as with the fine arts of the second half of the 19th – 20th centuries. represented by some of its representatives. In conclusion, it is said that the problems of the substantive side of the culture of this period are associated with changes in the forms of the phenomena of understanding, leading to a change in the ratio of semantic and sign functions.

References

1. Bart, R. (2008) *Nulevaya stepen' pisma* [Zero degree of writing]. Moscow: Akademicheskiiy projekt.

2. Benjamin, V. (1996) *Proizvedenie iskusstva v epokhu yego tehnikoskoy vosproizvodimosti: izbrannye esse* [Work of art in the era of its technical reproducibility: selected essays]. Moscow: Medium.

3. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer society. It's myths and structures.]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika.

4. Vygotsky, L.S. (2021) *Myshlenie i rech* [Thinking and speech]. St. Petersburg: St. Petersburg University.

5. Kalinina, I.V. (2009) *Ocherki po istoricheskoi semantike* [Essays on historical semantics]. St. Petersburg: St. Petersburg University.

6. Kudryashov, S.V. (2018) «Faktor destruktivnosti» A. de Musset v svete strukturnogo analiza yevropeiskoi kul'tury XIX – XX vv. [«Destruction factor» by A. de Musset in the

light of the structural analysis of European culture of the 19th – 20th centuries]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern studies of social problems*. 10 (2). pp. 80–100.

7. Saenko, N.R. (2011) *Kontseptual'nye interpretatsii nigitologii kul'tury* [Conceptual interpretations of the nigitology of culture]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. St. Petersburg.

8. Sapronov, P.A. (2014) *Chelovek i Bog v yevropeiskoi zhivopisi XIV–XX vv.* [Man and God in Western European painting of the 14th–20th centuries]. Moscow: Gumanitarnaya Akademiya.

9. Tylor, E.B. (1989) *Pervobytvaya kul'tura* [Primitive culture]. Moscow: Politizdat.

10. Tkhostov, A.Sh. (2020) *Kul'turno-istoricheskaya patopsikhologiya* [Cultural and historical pathopsychology]. Moscow: Kanon + ROOI «Reabilitatsiya».

11. Ustyugova, E.N. (2006) *Stil' i kul'tura: Opyt postroyeniya obschei teorii stilya* [Style and culture: Experience in constructing a general theory of style.]. St. Petersburg: St. Petersburg University.

12. Heidegger, M. (1987) *Istok hudozhestvennogo tvoreniya* [The source of artistic creation]. In: *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX – XX vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th – 20th centuries. Treatises, articles, essays]. Moscow: Moscow State University. pp. 264–312.

13. Musset, A. de (1836) *La confession d'un enfant du siicle*. Paris: Fëlix Bonnaire.

УДК 130.2:[316.77+001.97]

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-3-25-35

Н.Г. Денисов, А.А. Бражников, В.В. Валькова

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФЕНОМЕНА КОНТРНАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ

В настоящей статье проанализирована динамика и выявлены особенности трансформаций феномена контрнауки в медиакультурном пространстве современного общества. Проведен дискурс-анализ существующей научной литературы по проблематике и нарративный анализ некоторых контрнаучных медиапродуктов. Сделан вывод о высокой адаптивности феномена контрнауки к изменяющимся социально-политическим и технологическим условиям, об опасности ее распространения в масс-медиа и о необходимости принятия действий для купирования ее дальнейшей экспансии в медиакультуре.

Ключевые слова: медиакультура, медианпространство, медиа, информационное общество, ценностно-смысловые трансформации, контрнаука, заблуждение.

Актуальность темы исследования. Современная медиакультура характеризуется ценностно-смысловыми трансформациями, обусловленными изменениями общественных отношений, переходом к информационному обществу постиндустриальной эпохи и связанным с этим технологическими прорывами преобразованием экономических условий. Одной из главных ценностей, претерпевших изменения в современной медиакультуре, является свобода выражения. С одной стороны, она проявляется в возможности пользователей сети Интернет воспринимать и самостоятельно создавать огромные информационные потоки при минимальном уровне цензуры. С другой стороны, возникают проблемы управления этими информационными потоками, и ярко проявляется угроза распространения во всеобщем доступе потенциально опасных контрнаучных заблуждений.